

В. М.
ШУЛЯТИКОВ

Владимир Михайлович Шулятиков

Литературный хищник

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=663045

Аннотация

«...если основываться на характеристике, которую дал себе Евгений Соловьев, можно было бы только приветствовать его, изумляться непростительной злонамеренности его оппонентов и радоваться тому, что в его лице русская литературная критика сделала такие блестящие успехи... Но, к сожалению, дело обстоит далеко не так, как старается его представить г. Соловьев: при ближайшем рассмотрении его критических исследований оказывается, что новых путей в науке он не открывает, что ничего ценного к работам своих предшественников он не прибавляет, что новатором его можно назвать только в одном смысле: он избрал такой упрощенный способ подвергать анализу литературные явления, который до сих пор не практиковался ни одним из русских критиков, сколько-нибудь дороживших своим именем и своей деятельностью...»

Содержание

Владимир Шулятиков

Литературный хищник

Евгений Соловьев (он же Андреевич) – литератор с очень большими претензиями. Он говорит о себе, как о критике, предлагающем безусловно новые пути в деле изучения истории русской литературы, старающемся, не в пример прочим исследователям этой истории, поставить ее на истинно научную почву¹. Он уверяет, что до него историки литературы почти совершенно не разбирали писателей с точки зрения принадлежности их к той или другой общественной группе, не объясняли хода литературного развития из условий развития общественных отношений. «По части изучения словесного духа нашей литературы, – заявляет он, – сделано так мало, что можно сказать, почти ничего не сделано». И заявивши это, он рекомендует свои произведения, как первую в своем роде попытку в должном направлении. Нападки, которым в свое время подвергались его критические статьи, он объясняет исключительно тем, что нет пророков в своем отечестве, что людям вообще свойственны ненависть и жажда ко всяким новаторским начинаниям. «Естественно первая попытка моя... вызвала взрыв негодования и желание стереть меня с лица земли».

¹ См. «Жизнь», 1899 г... ноябрь, стр. 431, и также «Очерки по истории русской литературы XIX века, стр. 69.

Одним словом, если основываться на характеристике, которую дал себе Евгений Соловьев, можно было бы только приветствовать его, изумляться непростительной злонамеренности его оппонентов и радоваться тому, что в его лице русская литературная критика сделала такие блестящие успехи... Но, к сожалению, дело обстоит далеко не так, как старается его представить г. Соловьев: при ближайшем рассмотрении его критических исследований оказывается, что новых путей в науке он не открывает, что ничего ценного к работам своих предшественников он не прибавляет, что новатором его можно назвать только в одном смысле: он избрал такой упрощенный способ подвергать анализу литературные явления, который до сих пор не практиковался ни одним из русских критиков, сколько-нибудь дороживший своим именем и своей деятельностью.

Этот упрощенный способ заключается в следующем.

Еще в 1899 г.² на страницах «Русского Богатства» Н.К. Михайловский указывал на то, что Евг. Соловьев весьма оригинально пользуется чужими трудами и исследованиями, что он, например иногда переписывает чужие слова и выдает их за собственные. В доказательство г. Михайловский приводит характерный случай.

«В биографии гр. Л. Толстого (1897 г., в биографической серии Ф. Павленкова) г. Соловьев объясняет: «Для меня те-

² «Русское Богатство», октябрь, стр. 198.

перь важны не только мысль Толстого, а его настроение, его писательская драма, по поводу которой, между прочим, считаю нужным напомнить, что впервые она была подвергнута блестящему анализу в сочинениях Н.К. Михайловского в 1875 году» (стр. 86). Г. Соловьев напоминает о моих статьях «между прочим» и в том смысле, что я в них высказал известный взгляд «впервые», следовательно, так сказать, в зародышевом виде, ну, а он, г. Соловьев, через двадцать два года, конечно, пошел дальше в развитии этого взгляда. И, однако, непосредственно вслед за приветственными словами он целиком и, надо ему отдать справедливость, без ошибки переписывает мои слова, не отмечая их не кавычками, ни петитом, ни ссылкой на страницу, словом, ни одним из общепринятых в таких случаях способов: он говорит от себя.

Сотрудник того же журнала В.Г. Подарский в феврале прошлого года, разбирая статью г. Андреевича «Литературное мещанство», отметил другой аналогичный случай:

«У Г. Андреевича – говорит он, – есть, впрочем, и не одни промахи, но и очень хорошие страницы. Мне особенно понравилось на стр. 356–358 (ноябрь) изображение истории европейского мещанства и его психологии. Понравилось, однако, согласно латинскому изречению *bis repetita placent*, т. е. «вещи, два раза повторенные, нравятся». Эти, действительно, наилучшие места в статье г. Андреевича представляют собой за исключением каких-то фиоритур критика – почти буквальное воспроизведение некоторых страниц из одного

очень известного документа, написанного в 1847 году и переведенного на все языки.

Но отмечая факты, свидетельствующие о склонности г. Соловьева слишком произвольно и бесцеремонно пользоваться чужими трудами, г. Михайловский и г. Подарский упоминают об этой склонности между прочим, не возводят ее на степень «Faculte maitresse» г. Соловьева. Г. Подарский даже готов думать, что г. Соловьев совершил плагиат бессознательно: «в своем стремительном биче г. Андреевич просто забыл, что эти мысли и даже буквально выражения не принадлежат ему».

Если держаться подобного взгляда на «заимствование» мыслей и выражений, совершаемые г. Соловьевым, то нам придется назвать г. Соловьева единственным в своем роде феноменом, придется признать его автором едва ли не самой замечательной книги, когда-либо и кем-либо написанной. Мы должны будем видеть в его «Очерках по истории русской литературы XIX века» (на днях появившихся) – плод беспримерно последовательной и интенсивной работы бессознательного творчества.

Мы не хотим этим сказать, что «Очерки русской литература» представляют из себя сплошь форменный плагиат, т. е. одно только переписывание чужих слов и «буквальных выражений». Форменные плагиаты встречаются, но их мало. Зато автор очерков на каждом шагу делает заимствования чужих мыслей; занимается постоянно пересказыванием от сво-

его имени результатов чужих критических исследований; перефразировкой характеристик и оценок, сделанных другими критиками.

Правда, в примечании к предисловию он заявляет, что пользовался многочисленными «пособиями и источниками» (из числа которых постоянно обращался к следующим: 1) История русской литературы А.Н. Пыпина; 2) Жизнь и труды Погодина, соч. П. Барсукова; 3) Сочин. Н.К. Михайловского, А. Пыпина, А.Н. Герцена; 4) Некоторые статьи В. Розанова (!). Но само собой разумеется, что каждый критик, а тем более пишущий историю литературы за целое столетие, обязан и пользоваться многочисленными «пособиями и источниками». А пользоваться пособиями и источниками – это вовсе не значит переписывать и перефразировать их, т. е. прибегать к тому упрощенному способу составлять «историю литературы», к которому прибегает г. Соловьев...

Приведем ряд примеров, показывающих, насколько широко утилизирует г. Соловьев этот «упрощенный способ».

На стр. 186 его книги мы читаем: «Слаб человек и охотно преклоняет он ухо к внушениям злого духа эгоизма и только в редкие, лучшие минуты своего бытия возвышается до чистого альтруизма... и. т. д., кончая словами: «не в суд и не во осуждение подчеркиваю я это обстоятельство, а исключительно в видах исторической и психологической точности»... Теперь заглянем в статью М. Протопопова о Решетникове (приложенную к изданию сочин. Решетникова, стр.

XIV): там то же самое, слово в слово. Г. Соловьев переписал чужие слова без ошибки».

На стр. 159 т. Соловьев, излагая философские взгляды Герцена, говорит: «В статье «Буддизм в науке» Герцен восстает против ученых формалистов вроде того доктора, вместе с которым он вел философские прения в Новгороде... с мистически настроенной генеральшей, с другой стороны – на отвлеченных философов-примирителей, вроде московского кружка Белинского». Г. Соловьев выдает в данном случае за свои слова слова г. Скабичевского: см. «Сочинения А. Скабичевского», т. 1 (1890 г.), стр. 771³.

На стр. 315 г. Соловьев выясняет, на каких сторонах народной жизни останавливал свое внимание Некрасов. Сравните соответствующее место из статьи Андреевского (С.А. Андриевский) «Литературные чтения»⁴.

Г. Соловьев:

Возьмите картины Некрасова из крестьянского быта и что найдете вы там? Описание нищеты, голода и холода, болезней, мук от зноя в отрадную пору, трудностей этапного перехода, удушливых потемок, каторжных нар, вредного воздуха фабрики,

³ Вообще нужно заметить, что философские взгляды Герцена он целиком излагает по г. Скабичевской. Правда, он пользуется кавычками, но расставляет кавычки так искусно, что может ввести читателя в заблуждение, читатель может предположить, что г. Соловьев пользовался первоисточником и старательно подбирал характерные цитаты.

⁴ Стр. 180.

невыносимой тяготы бурлацкого труда...

Г. Андреевский:

Наконец, в главной нерве своей деятельности, на чем именно Некрасов сосредотачивает всю силу своего сострадания? На нищете, холоде и голоде, на болезнях, на муках от зноя в страдную пору, на трудностях этапного перехода, на удушливых потемках каторжных нар, на вредном воздухе фабрик для детей и рабочих, на невыносимой тяжести бурлацкого труда.

Вообще характеристика Некрасова, которую мы находим в «Очерках», может служить ярким образцом «творческой» работы г. Соловьева.

Он берет два «пособия» – указанную статью г. Андреевского и «Историю новейшей русской литературы» г. Скабичевского. Скабичевский замечает в Некрасове «присутствие двух человек», которые представляют значительную разновидность, порой даже «полное противоречие», и говорит о двух мотивах, доминирующих в его лирике – о муках бессилия рефлектирующего интеллигента – дворянина и о чувстве жалости и сострадания к народу.⁵ Г. Соловьев полагает в основу «своей» характеристики мнение г. Скабичевского и «развивает» его совершенно так же, как оно развито в его «первоисточнике». Местами он вносит добавления, т. е. делает заимствования из другого первоисточника. Даже цитаты из стихотворений Некрасова у него подобраны большей

⁵ Ист. Новейш. русск. лит.», стр. 432–433

частью те же, что и в его первоисточниках. При этом на «Историю новой русской литературы» г. Скабичевского он ни разу не ссылается. С статьей г. Андреевского он поступает несколько иначе: он, в двух местах цитируя его, произносит его фамилию. Но цитируя г. Андреевского, он делает вид, что ссылается на него лишь для вящего подкрепления своих собственных мыслей.

Подобный прием – ссылаться на какого-нибудь писателя, в большинстве случаев даже не приводя его имени – якобы с целью подкрепить свое собственное мнение – находит в «Очерках» самое широкое применение. Так, напр., г. Соловьев поступает, излагая взгляды Страхова почти целиком по В. Розанову⁶, или слишком «широко» пользуясь трудами того же г. Розанова, а также г. Скабичевского при характеристике мирозерцания Достоевского⁷, или делая заимствования из статьи Глеба Успенского о Гаршине (помещенной в сборнике «Красный цветок»).

Еще несколько примеров «вольного» обращения с «подобными источниками».

В характеристике Белинского, которую делает г. Соло-

⁶ См. В.В.Розанов. «Литературные очерки», стр. 86 и след. Ср. «очерки» г. Соловьева, стр. 275.

⁷ У г. Скабичевского г. Соловьев целиком «заимствовал» характеристику Достоевского, как представителя городской культуры и как разночинца. Учение Достоевского о целительной силе страдания он излагает по г. Розанову (см. работу последнего «Легенда о великом инквизиторе», стр. 28; также «Литер. Очерки», стр. 45 и след.).

вьев, центральным пунктом является выяснение «пролетарского» происхождения великого критика и противоположение его «изнеженным» и обеспеченным баричам «сороковых годов» – кружку Станкевича. Г. Соловьев «забыл» совершенно упомянуть, что на том же центральном пункте построил некогда свою характеристику Белинского и г. Скабичевский. Рекомендуем читателям внимательно прочесть стр. 375–376, 391–400 собрания «Сочинений» г. Скабичевского (том I) и сравнить с соответствующими местами книги г. Соловьева.

Рекомендуем также обратить внимание на его «переложение» взглядов, которые г. Скабичевский высказал по поводу Помяловского, точнее по поводу романов последнего («Молотов» и «Мещанское счастье»)⁸.

Замечательно точно излагает г. Соловьев содержание трех характеристик, которые г. Скабичевский дал Ключникову⁹, Всеволоду Крестовскому, Авсеенко и Головину!..

Отметим наконец, еще один изумительный «пассаж», позволяющий наиболее глубоко заглянуть в процесс творчества г. Соловьева. Речь идет о романе «Обломов».

Г. Соловьев (стр. 178):

⁸ См. «История нов. русск. литер.», стр. 305, и «Очерки» г. Соловьева, стр. 297–8.

⁹ Даже единственная цитата из «Марева», которую приводит г. Скабичевский, очутилась в «Очерках» г. Соловьева.

Характеризуя в своей статье: «Что такое Обломовщина?» героя романа, Добролюбов проводит поразившую современников смелую аналогию между Обломовым и целым рядом героев своего времени – Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым. «Обломовка», – говорит Добролюбов, есть наша прямая родина, ее владельцы – наши воспитатели, ее триста Захаров – всегда готовых к нашим услугам. В каждом из нас сидит значительная часть Обломова, и еще рано писать нам надгробное слово Обломовке. Приравнивая таким образом, русскую интеллигенцию к обломовскому типу, Добролюбов продолжает: «Если я вижу теперь»... и т. д.

Г. Скабичевский («Ист. лит.», стр. 79):

Произведя в ней (в статье «Что такое Обломовщина?») анализ героя романа Гончарова, Добролюбов вслед за тем проводит своей смелостью аналогию между Обломовым и целым рядом героев своего времени – Онегиным, Печориным, Бельтовым, Рудиным... «Обломовка, – говорит Добролюбов, – есть наша прямая родина, ее владельцы – наши воспитатели, ее триста Захаров всегда готовы к нашим услугам. В каждом из нас сидит значительная часть Обломова, и еще рано писать нам надгробное слово (Обломовке) Приравнивая таким образом, всю русскую интеллигенцию к обломовскому типу, Добролюбов говорит: «Если я вижу теперь»... и т. д.

Далее г. Скабичевский через несколько строк приводит цитату из другой статьи Добролюбова – из статьи «Черты для характеристики русского простонародия», не касающуюся романа Гончарова (дело в том, что г. Скабичевский в данном месте характеризует не Гончарова, а самого Добролюбова). Верный своей достохвальной манере, г. Соловьев не замедляет перенести кстати и эту цитату на страницы своего критического исследования – в тот отдел, где «разбираются» произведения Гончарова...

Оказывается, одним словом, сто настоящие источники г. Соловьева с замечательной последовательностью игнорирует. Он, повторяем, только переписывает, пересказывает и излагает сказанное другими, почти всюду умалчивая о своих «источниках» и о факте совершаемых им «заимствованиях».

Впрочем – следует оговориться – в двух случаях он обнаруживает несвойственную ему искренность. Приступая к характеристике произведений Мамина Сибиряка, он уведомляет читателя, что предлагает его вниманию статьи г. Альбова¹⁰. Другой раз, касаясь взглядов Апполопа Григорьева на задачи критика, он говорит, что излагает их, пользуясь работой г. Гольцева...

И «общие» взгляды г. Соловьева на ход литературного движения и та «общая» точка зрения, в деле установления которой он считает себя новатором, – не принадлежит ему.

¹⁰ «Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка» («Мир Божий», 1900, I).

В той форме, как он ее приводит, ее уже высказывали неоднократно и г. Скабичевский, и г. Протопопов, и г. Михайловский (в своих прежних произведениях). Стоит, например, вспомнить, что говорил г. Скабичевский в своем труде: «Сорок лет литературной критики»: там он рассматривает литературу «сороковых годов», как отражение настроений и мирозерцания прекраснодушных «баричей», там он с большой пронизательностью отмечает историю смены «дворянской» литературы литературой «разночинцев», занявших историческую авансцену в эпоху «великих реформ»¹¹. Стоит вспомнить, как решительно г. Протопопов разграничивал психологию писателей-дворян и писателей-разночинцев в известной статье о Решетникове. Стоит вспомнить, наконец, что говорил в свое время г. Михайловский о «кающихся» дворянах и разночинцах. Больше того, что говорили по данному вопросу названные критики, г. Соловьев не сказал. Он лишь повторил их слова.

Единственно что, по-видимому, в данном случае, принадлежит лично г. Соловьеву – это характеристика народничества, как идеологии «кающихся дворян». До подобной нелепости он договорился, очевидно, потому, что не знает «настоящих» первоисточников. Если бы он прочитал повнимательнее, напр., очерки Глеба Успенского «Волей-неволей», где очень определенно и убедительно вскрывается об-

¹¹ См. «Сочинения» г. Скабичевского, т. 1, стр. 519–523. Эта статья, очевидно, оказала на г. Соловьева особенно сильное «влияние».

щественная подпочва народничества, – этого бы с ним не случилось.

И вообще, – скажем мы в заключение, – пользоваться такими приемами, которых иначе, как хищническими назвать нельзя¹², значит осуждать себя на полнейшее литературное бесплодие и банкротство. История литературы в настоящее время все быстрее и быстрее эволюционирует, как наука, все больше и больше в ней торжествует общественный метод, вес настоятельнее и настоятельнее она требует углубления в анализ общественных отношений. Современный историк литературы, желающий удовлетворить научным требованиям, не может уже довольствоваться общими рассуждениями о «разночинцах», рефлектирующих «барах» для «кающихся дворян». Он должен отыскивать и выяснять до бесконечности сложные звенья, связующие художественные образы и психологию писателей со многоразличными общественными ячейками. Он должен все пристальное и пристальное вглядываться в «первоисточники». На нем лежит трудная созидательная работа, диаметрально противоположная той, которую единственно признает автор «Очерков по истории русской литературы XIX века».

«Курьер», 1902 г., № 42.

¹² В тех случаях, когда г. Соловьев что-нибудь прибавляет «от себя» к сказанному в избранных им пособиях, он удается в безнадежное фразерство.